

ГАЛИНА ЧЕРЕДИЙ

Илья
и ЧЁРНАЯ
ВДОВА

Любовь без обоснуя

Галина Череди́й

Илья и черная вдова

«Галина Череди́й»

2023

Череди́й Г.

Илья и черная вдова / Г. Череди́й — «Галина Череди́й»,
2023 — (Любовь без обоснуя)

Женщина, что поставила крест на себе из-за злых языков и походя растоптанных чувств. Мужчина, жестоко раненный и телом, и душой и преданный, но не ведающий, что случайно предал и сам. Одна мимолетная близость давно. Жизнь сведет их снова. Вот только для чего? В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Галина Череди́й

Илья и черная вдова

Глава 1

За пять лет до описываемых событий

– Валентина, ты чего это, совсем, что ли, из ума выжила? – не слишком-то стремясь к приватности, громко зашептала тетя Света, мамина подруга, косясь при этом на меня. – Зачем ты Инку-то сюда работать притащила? Головой-то соображаешь, что делаешь?

Конечно, все мама понимала и даже со мной все обсудила, вынудив смириться, пусть и без особой радости. Но при чем тут радость, когда сталкиваешься с суровой правдой жизни и проклятой кармой, что, похоже, намертво пристала к нашей маленькой семье.

– Прекрасно соображаю, Свет, – ответила мама, улыбнулась мне ободряюще, кивнув заканчивать с полами в коридоре, и тут же погрузилась и вздохнула. – Сама ты знаешь, что за слава за Инкой уже идет в поселке, а тут хоть не слышал об этом никто. Да и куда еще работать ее пристроить? Совхоз развалился, школа вон и то закрылась. На теплицы к этому Вартаняну? Так все знают, как он с девками-работницами смазливymi обращается. А тут хоть поприличнее.

– Скажешь тоже – поприличнее! – фыркнула тетя Света, сильно понизив голос. – Вокруг одно мужичье раненое, одинокое да сплошь голодное от того. Уж если и на таких, как и мы с тобой, бывает ведутся, то на девчонку молодую да смазливую... Дурость ты задумала, Валька! Лучше бы в город отсылала, честное слово!

– А в городе твоём что? Жить негде, даже на первое время приткнуться-осмотреться не у кого. На вокзале жить и работу так искать? Так знаем мы все, куда в первую очередь девчонок работать там тянут. Сами же менты тамошние в бордель какой и сдадут. Вон у Машки дочка уехала и год уже как сгинула, ни слуху ни духу. А у Смирновых приезжает, да, но ходят, глаза поднять стыдно после ее приездов, такая прости господи стала. Нет уж, лучше пусть Инка тут.

– Ага, тут. Смотри, мужичье, оно глазастое и рукастое.

– Инка у меня серьезная и жизнью уже битая, хоть и молодая, да и я присматриваю. Силком же никто не потянет, а сама она не пойдет, голова уже на плечах есть, не шестнадцать небось.

– Да как же! У всех у нас она есть, да только бывает между ног свербит сильнее, чем в голове этой варится. Да и попадаются тут умельцы, не нашим колхозным пенькам неотесанным чета. Языки так подвешены, что и сама не поймешь, как уже на спине лежишь. А то сама не в курсе!

– Цыц ты уже! – шикнула на подругу мама и велела мне: – Инк, ты иди, иди, нечего тебе наш бабский бубнеж слушать. Там еще две палаты недомытые стоят.

Я и пошла, прихватив ведро с остро пахнущей водой и швабру. И не просто пошла, а почти побежала, поняв, что сегодня впервые смогу увидеть его без мельтешащей за спиной матери. Сердце замолотило так, что даже притормозить пришлось, чтобы отдышаться и не выдать никому вокруг своего трепета.

– О, Иннуша, ты к нам? – в коридор вышел Яков Петрович, высокий, статный, еще совсем не старый, но уже с сединой на висках.

Я не знала, в каком он звании, остальные мужчины звали его просто «командир», в курсе была только, что все трое обитателей этой десятой палаты реабилитационного центра служили вместе на Кавказе и там же вместе попали в жуткую переделку, после которой и долечиваются у нас.

– Да, у меня только вы и одиннадцатая остались на утро, – кивнула ему, стремясь поддержать беседу и отвлечься тем самым от желания заглянуть внутрь за его спину, а то и рвануть туда.

Но вместо того чтобы пропустить меня в палату, Яков Петрович прикрыл дверь, взял у меня ведро и чуть оттеснил подальше.

– Ты это, Иннуш... Потише там шуруй, ладно. Илюхин угол и вовсе лучше сегодня обойди. Не в себе он немного сегодня, – сказал он шепотом, глядя мне в лицо как-то очень-очень пристально, как-то не так, как раньше.

– Что-то случилось? – выпалила и тут же смутилась. Наглость же. Не мое это дело.

– Со всеми нами тут что-то случилось, птичка-невеличка, – помрачнел мужчина окончательно. – Вот как тебя такую мелкую да светлую в это место занесло-то? Разве такой молодой место среди покалеченных да битых войной на голову?

– А что же, только пожилым с таким дело иметь надо, что ли?

– Не пожилым, Иннуш, просто тем, кто жизнь повидал уже хоть чуток и сердцем немного зачерствел. Не до безразличия, конечно, но так, чтобы самому об нас не раниться. А то я видел вчера, как ты на парней наших смотришь, чуть не плачешь. Вон на Илюху особенно.

– А как не смотреть-то, Яков Петрович? – изумилась я. – Они же люди живые, и я человек, им больно – и у меня душа ноет.

– Вот, – покачал он головой, глядя с упреком. – Хорошего не будет, птичка. Сердце себе все истреплешь. Ладно, задерживаю тебя. Иди, заканчивай, а ближе к вечеру у меня к тебе и матери твоей разговор будет.

– Яков Петрович! – шепотом окликнула его, уже развернувшегося, совершенно пропустив мимо ушей последнее. – А можно мне узнать, что у Ильи случилось?

Ну вот, теперь еще подумает, что я какая-то стервятница и хочу сплетнями разжиться свежими.

– Случилось плохое, птичка. Самое худшее, что с мужиком только может, да еще в такой момент. Жена его предала. Да не просто, а с самым подлым подвывертом, гадина такая.

– Это как?

– А развелась она с ним, пока он по госпиталям валялся. И мужика себе нашла забугорного и с ним валить собралась из страны. Обрыдла ей нищета наша, видишь ли. И дочку еще забрать собралась, за тем с ней вчера вечером и прилетела из дому. Илюха обрадовался – думал, наконец навестить примчались, хоть и с опозданием. А эта стервь поганая даже из машины не вышла, пряталась, ребенка одного к нему послала. Просить бумаги подписать на выезд. А та и просила, наученная ведь. Мол, отпусти, папочка, у меня там перспективы, учеба престижная, дом большой красивый, жизнь достойная, а тут один мрак. Илюху к месту и приморозило, даже с койки встать не смог мужик. Бумаги не глядя подмахнул, мелкая его в щеку чмокнула и усвистала, а он как лег лицом к стене, так и лежит с того времени. Они же с этой его Наташкой со школы еще гуляли, сразу после нее и поженились и дочку прижили. Он у нас кремень, налево и не глядел никогда, дурень такой. А если бы глядел, все сейчас легче было бы. Ну, Иннуш, не плачь, птичка. Илюха крепкий и это сдюжит, мы рядом тем более. Сегодня вечером, как врачи да начальство домой отбудут, закатим посиделки чисто мужицкие, и завтра оживать начнет, вот посмотришь.

Он пропустил меня, уходя по коридору, а я, живо утерев глаза рукавом халата, проскользнула внутрь и прилипла глазами жадными к широченной спине мужчины, при виде которого с самого первого взгляда у меня земля из-под ног ушла.

Много чего в нашем мире сказано-написано о любви с этого первого взгляда, но только ничто из этого, услышанного и прочитанного мною в достатке, не подготовило меня к этой встрече.

Шла себе неделю назад, как обычно, матери на работе нелегкой ее помочь, как сто раз до того, солнце июньское глаза слепило, да так, что налетела на резко повернувшего на аллею мужчину, не заметив его вовремя. Чуть не упала назад, но он подхватил сразу под оба локтя, прижав на секунду к своей груди. Я испуганно вскинула голову, открыв рот извиниться, да так и обмерла, нарвавшись на взгляд его темных-темных глаз. Боженька, прости мою душу грешную, которая, показалось, в тот момент прямоком в рай и рванула, что же это за глаза! Он и полсекунды, наверное, в мои не смотрел, а почудилось – всю меня прежнюю досуха выпил, а вместо того собой до краев заполонил.

– Извините меня неуклюжего, – пронесся ожогом по моим обнажившимся для него нервам его голос, и мужчина отступил. Забирая у меня все и сразу: взгляд, прикосновение, аромат, что вдохнула и не выдыхала за время этого мимолетного контакта. Обездолит совершенно и, не заметив даже этого, пошел дальше.

А я стояла истуканшей и пялилась ему вслед так неотрывно, что он, видать, почувствовал это и обернулся. И только тогда я и заметила жуткие свежие, недавно зажившие шрамы у него через все лицо и на горле, как если бы кто-то...

Ахнула, невольно в ужасе прикрыв ладонью рот чисто по-бабски, а он нахмурился, отвернулся и похромал по аллее гораздо быстрее.

А я с того времени ни единой ночи толком не спала, только веки прикрою – и снова во взгляде его купаюсь, что был исключительно моим, пусть и считанные мгновения, но был же. У меня и в первый раз с Денисом так не было. Влюблены были, и голова кругом, и ночами вертелась, и от поцелуев все обмирало и полыхало. Но такого...

Мать меня насчет работы официальной в центре уговаривала и раньше, я колебалась, а тут чуть не бегом сама была готова. И конечно, узнала сразу, что зовут моего темноглазого Илья Горюнов, майор из горячей точки. Пострадал, сказали, сильно, в плен к боевикам попал с сослуживцами, там издевались и казнить хотели. Но в последний момент их как раз Яков Петрович и вытащил, нарушив какие-то там приказы командования. За то их все по-тихому и отправили в отставку, еще пока долечивались. И что женат Илья, я узнала. Да только какая мне разница? Я же ни на что и не претендовала, мне на него просто смотреть мельком и издали было достаточно. У меня в эти моменты словно душа оживала, отчаяние давнее просветлялось, а что там с моим телом творилось, особенно ночами наедине с собой, – то никого не касается, и оно только мое. Трогать чужого мужа – грех, а мечтать, не приближаясь, кто же меня за такое упрекнет?

Я протерла полы во всей палате и к его кровати подкралась на цыпочках. Заглянула на лицо и отшатнулась, увидев, что глаза у него открыты. Помялась с ноги на ногу, вытерла дрожащую ладонь об халат и коснулась самыми кончиками пальцев его плеча.

– Илья, все будет у вас хорошо! – выпалила и испугалась.

Господи, дура же я какая беспардонная! Чего полезла вообще? У человека жизнь прахом пошла, а я тут... что? Возомнила, что шанс впереди забрезжил? На что? Он же меня и в упор не замечал эти дни. Другие мужчины кто просто болтал из вежливости, кто даже подкатывал, не особенно скрывая это, а он же, кроме здрасте, ничего. А я... Ну точно стервятница, что почуяла возможность пожить на горе его по горячим следам. Низко это как, Инка!

Схватив ведро и швабру, я вылетела из палаты и умчалась в комнату отдыха, откуда и носа не высывала уже до вечера.

– Инка, ты сегодня не задерживайся тут, дочь, – сказала мама, когда закончилась вся вечерняя суета.

– Но у меня же смена суточная, – удивилась я.

– Так и есть, но сегодня не надо тебе тут быть. Мужики вон Горюнову из десятой их фирменную реабилитацию закатить собрались. Начальство и даже дежурный врач отбыли, а им вон приятели уже ящик коньяка привезли, да закуски всякой, столы накрывают. А часам к десяти

и девок вызовут из города. Так что, тебе на такое смотреть не надо еще. Давай, домой собирайся, мы с тетей Светой сами сегодня, а ты как раз на последний автобус до поселка успеешь.

– А вам не страшно? – пробормотала, чувствуя, что руки и ноги немеют, и сердце бьется все реже, еще чуть – и остановится.

Темноглазому Илье друзья закажут девок, и он станет...

И это совершенно не мое дело. Правильно даже. Вот так мужики свои раны и лечат, мама говорила и раньше о таком и о том, что местное руководство на загулы вояки на реабилитации смотрит сквозь пальцы. Взрослые мужчины, травмированные морально и физически, они нуждались в подобном. И меня это не касается. Нужно уйти, а завтра ничего не будет напоминать о том, что чужие руки касались того, из-за кого я неделю хожу как в дурмане.

– Да чего бояться, дочь!

– А? – я совершенно потеряла нить разговора.

– Говорю, бояться нечего, Инуш. Они пьют хоть и крепко, но меру в большинстве свою знают. А если кто и разойдется, то остальные всегда придержат и угомонят. Езжай, не волнуйся.

До остановки автобуса я не шла – неслась, подгоняемая гадкими картинками в воображении, убегая от них. Но чертов транспорт ушел буквально перед моим носом, хотя по расписанию до него должно было остаться еще пять минут. Последний рейс, да между поселками, кто там соблюдает точно его. Еще целый час я проторчала на дороге, ожидая попутку, пока совершенно не стемнело. Смирившись с неизбежностью, я пошла обратно к санаторию. Дверь в прачечную всегда открыта, переночую там. От главного корпуса достаточно далеко, и прилечь там есть где.

На подходе к зданию, едва свернув за угол, заметила фигуру высокого крупного мужчины, стоявшего оперевшись рукой в стену и покачиваясь. Замерла на месте, стараясь не выдавать своего присутствия. Вдруг он вскинул безвольно повисшую голову, и в свете фонаря блеснули глаза, укравшие мою душу.

Я не могла и слова вымолвить, и снова видела только его глаза, не шрамы, не мир вокруг, а Илья смотрел на меня, смотрел, не отрываясь, и вдруг улыбнулся, отбирая остатки адекватности, и протянул руку, нежно прошептав:

– Малыш, вернулась все же. Иди ко мне.

И я пошла-упала к нему и в него.

Глава 2

Те самые лихие девяностые (пять лет спустя)

– Табак! Все, хорош, вылезай из воды! – крикнул я своему здоровяку алабаю, что не столько помогал рабочей выжловке собирать подбитых уток в камышах, сколько просто наводил суету и буянил от радости, поднимая тучи грязных брызг.

Махорка тем временем с деловым видом вылезла на берег с последней добытой тушкой в зубах и отряхнулась. Дурачина Табак подскочил к ней в три здоровенных прыжка, пытаясь, как обычно, втянуть в игру, но умница пойнтерша подняла хвост жесткой палкой вверх и задрала справа губу, предупреждающе зарывчав, не разжимая зубов с птицей. У нее не забалуешь, так-то добрая и игривая, но на работе никаких вам шалостей.

Возмущенно скульнув, молодой балбес, что уже и сейчас был выше ее в холке сантиметров на пятнадцать и на столько же кэгэ тяжелей, припал на передние лапы и опустил на те лобастую башку, демонстрируя покорность. Махорка, удовольствовавшись этой воспитательной мерой, задрала голову с ношей повыше и потрусил ко мне. Исполнительно бросила тушку мне на правый берец и села, преданно уставившись в мои глаза своими желто-коричневыми.

– Умница моя! – погладил я ее. – Ты не сердись на него, он же у нас молодой совсем дурачок, да и не охотник вовсе. Зато охранник хоть куда.

Конечно, брать на охоту алабая не имело смысла, да и неправильно. Но и бросать кипящего энергией молодого кобеля одного в вольере на пару дней мне казалось жестоким. К тому же Табак очень быстро уловил правила этой, само собой, на его взгляд игры – пока в схроне засаду на уток устраиваем и сама стрельба, он у УАЗИКа сидит смирно тише воды, ниже травы. А вот когда уже Махорка собирать дичь начинает, тут уж ему можно поскакать и повеселиться вволю. И, кстати, он на лету ловил, и на его счету тоже была пара найденных подранков. Это для меня святое дело на охоте – покалеченную живность за собой не оставлять. Подбил – так ищи до последнего, не ленись и не оставляй на медленную и жестокую смерть.

– Так, ребята, давайте уже о траву оботритесь, и выдвигаемся, – приказал я. – Домой пора, нагулялись вволю, и дичью заняться надо, чтобы не пропала зазря.

Собаки послушно сорвались с места и понеслись подальше от берега в высокую, уже пошедшую к осени в желтизну траву и принялись там возиться, валяя друг друга и выпуская последний пар. Ничего, в этом году мы только второй раз выезжаем, а ближе к холодам каждые выходные станем, не будут засиживаться.

По дороге домой встретил лесника нашего, Петьку Соломонова.

– Чё-как? Не пустой? – спросил он, не вылезая из своей «Нивы».

– Нет, с добычей. Проверять-считать будешь?

– Да иди ты! – махнул он на меня досадливо рукой. – Тебя я еще не проверял. Скажи лучше – не слышал кого сильно палящего неподалеку? А то на днях какая-то сволота свинью с семью поросятами постреляла. И главное, паскуды такие, у всех только ляжки задние срезали, а остальное кинули.

Вот ведь гнусь какая! Знаю я, что многие охоту в наше время атавизмом и даже зверством считают, но, по мне, мужик, который ни разу в жизни сам, своими руками мясо не добыл, вроде как и не пожил нормально. Но одно дело – добрая охота, по всем правилам и без лишнего вреда природе, а совсем другое – вот такое скотство. Какой же мразью надо быть, чтобы мать с молодняком побить, да еще, считай, для баловства, только куски повыхватывать. Да ни один зверь так никогда не поступит!

– Нет, не слыхал ничего, один я в округе вроде шумел. Тебе, может, с облавой на этих тварей помочь? Ты скажи, я пойду, и мужиков еще поднимем. За такое руки по локоть поотрубать надо у*бкам.

– Эх, толку-то от облавы той, Илюха, – махнул снова рукой Петька, уныло скривившись. – Ну поймал я одних на той неделе, лосиху беременную застрелили. Ну и чё? Они мне в рожу корочками эсбэшными и депутатскими ткнули, на хер послали и дальше разделять ее стали. Сказали, еще рот раскрою, и самого завалят и скажут – типа, несчастный случай на охоте, и ни хрена им не будет. И чё я им сделаю? Развелось их, господ новых, чинуш да бандюков вперемешку. Постоял, обтекая, и дальше поехал.

– По закону с такими ничего не добьешься, – вынужден был согласиться я и не продолжил, хоть на языке и вертелось, что с такими надо не по закону, которым они подтираются, а по справедливости. Но не болтать вслух на всех углах, а делать надо молча, да так, чтобы концов не нашлось потом.

Уже на подъезде к поселку, километрах в десяти, ожил мой телефон. Надо же, а я его кинул в бардачок да и забыл, как выехал, думал, сел давно, а он жив. Потянулся, нашарил, только и успел увидеть на экране «Гром», и этот гад сдох. Телефон в смысле.

– Твою же налево! – ругнулся и прибавил газу.

Сто процентов, Никитос или сам ко мне решил нагряться, или вместе с мужиками еще. Пиво-баня-водка, посиделки, короче, а я сам не дома, еще и телефон сдох. Он со своими и так не частыми, раз в полгода где-то, наездами оставался почти единственным моим нормальным кругом общения до последнего времени. Ну за исключением здрасти-досвидания с соседями. Одичал я практически за эти пять лет, но не тяготило это ничуть. Наоборот, хоть и рад был ему и бывшим сослуживцам, но все равно каждый раз потом внутри ныло, и спать опять не мог, километры десятками вышагивал по лесу, выгоняя это из себя. Вот, правда, с месяца четыре как ко мне молодежь ездить стала, Антон с Лизаветой. Те самые, что сюрпризом на пасеку ко мне вылезли избитые и в драку лезть готовые друг за друга. Хорошие такие и влюбленные, видно, до полного одурения. Я это в них еще тогда, в мае засек, хоть Лизка-оса и фыркала и нос задирала все, вся из себя вольная птица. Балбеска, ну чисто как Табак мой. А сейчас приезжают, она поутихшая, к Антохе льнет, смотрит уже совсем по-другому. Не бритвой будто от себя всех отхреначивает, а просто, по-нормальному уже. Оттаяла девка-то. У меня от них тоже сердце щемит, но по-другому, не расшатывает, не берedit. Они мне о моих хороших моментах напоминают, о том, что было до всего дерьма в жизни.

Вошел в дом, поставил телефон на зарядку, сам в душ и, только когда вышел, запустил его и хотел набрать Громова, но он опередил меня.

– Горе, да где тебя носит? – как-то очень хрипло против обычного спросил он. Заболел, что ли, или опять вчера гулеванил до синевы и песни горланил? Он это дело любит.

– Да я в лесу был, вот только прибыл домой. У тебя срочное что? Подтянуться хочешь?

– Несчастье у нас, Илюха. Командир наш помер. Сегодня в два хоронят.

– Петрович? Помер? – дошло до меня не сразу.

Понятное дело, что своих уже похоронено немало. Больше, конечно, пока служили, но было достаточно и после, на гражданке. Кто спился, кто разбился, кто руки на себя наложил, а кого и в бандитских разборках постреляли или посадили за то, что они кого порешили. Мало кого из нас, обожженных войной, жизнь-то обычная принимала. Не вливались в нее, все вышвыривало, выдавливало, как земля плодородная из себя камни наверх обычно исторгает. Единицы смогли устроиться достойно, семьи удачно создать, зажить по-людски, спокойно. И наш Петрович был одним из таких везунчиков. Женился сразу же после отставки, дочь растил, в бизнес подался, да так подфартило ему, что прямо зажиточным он у нас стал. Короче, хорошо ведь все у него было.

– Случилось что? – я даже почти не спрашивал, сразу предполагая дерьмо.

– Да такое случилось, Илюха... короче, давай не по телефону. Подтянешься?

– Само собой.

Я постоял, тупо пялясь в стену. Как так-то?

Собак загнал в вольеры, дичь всю из машины вытащил и, все еще пришибленный на всю голову, пошел стучать к соседке.

– На! – забыв и поздороваться, сунул я ей связку битой птицы.

– Ой, дядя Илья, куда столько-то! – изумилась Маринка.

Я ей всегда после охоты, рыбалки подкидывал чег. И как мед качал – тоже. Она, бедолага, одна троих детей поднимает, муж-дебил спился да угробился зимой на тракторе, на лед заехав и провалившись.

– Бери, у меня пропадет все равно. Уезжаю.

– Спасибо, дядя Илья! Мне за собаками присмотреть?

– Если задержусь. Мало ли, – буркнул и повернулся уходить.

– Случилось что, Илья Иванович?

– Случилось, Мариш. Хоронить еду человека, которому жизнью обязан.

Женщина охнула мне вслед и тихо запричитала.

Я глянул разок на себя в зеркало. Опять парадная форма. Опять похороны. Пять последних лет каждый раз единственный повод увидеть себя почти прежним – это чья-то смерть. Поганое-то как. А ведь я почти убедил себя, что у меня тоже жизнь наладилась. А оно вон как.

Пока добрался до города, уже настало время ехать непосредственно на кладбище. Громова и остальных мужиков увидел уже у могилы, над которой какой-то высокий чин с грудью в орденах толкал пафосную речь о том, каким был наш Петрович. Самому лет тридцать пять едва ли, по роже холеной видно – если порох он и нюхал, то издалека или на учебных стрельбах, а хрен он там служил с командиром когда-то и знал его хоть немного близко. Классическая такая крыса штабная, зато говорить вон красиво на похоронах уже наблатыкался. Встал просто пока с мужиками плечом к плечу, не время руки жать, и обвел взглядом остальных скорбящих. Напротив у самого гроба две женщины в черном и девочка, лет шесть, дочка командира, похоже. Что-то общее в чертах улавливается. Зачем было ребенк-то сюд тащить? Глазенки вон перепуганные, ресницы белесые слиплись, губешки дрожат. Жметесь к боку одной из женщин, видать, она и есть вдова, но за руку крепко держит вторую. Тоже родня какая?

Я посмотрел в лицо первой женщине. Бледная, без косметики, темные волосы едва видны из-под черной косынки. Красивая, но какая-то изможденная, что ли, или перепуганная. Оно и понятно, за Петровичем как за каменной стеной небось была, а теперь все сама. Нарвался на ее пристальный взгляд, и что-то вдруг екнуло внутри. Да не просто екнуло, а как будто встряхнул меня кто, как сосуд с водой пустотелый, и та от этого вся заколыхалась, перемишаваясь и стремительно разогреваясь. Это она из-за шрамов? Или мы знакомы? Точно видел ее, такие глаза вряд ли забудешь. Зеленые-зеленые, а вокруг радужки кольцо цвета ореха. И смотрит ведь так, будто готова через могилу перепрыгнуть и вцепиться, а глаза при этом сухие совершенно, хоть и красные, безумно усталые. Где и когда мы встречались?

Меня аж вдоль хребта изморозью пробрало, и я прямо-таки заставил себя перевести взгляд на лицо второй женщины. Высокая, ярко-рыжая, тонкокостная, но все при ней, вон платьем черным обтянуло-подчеркнуло все добро бабское такое знатное, а еще и заметно округлившийся животик, что, однако, нисколько красоты ее не умалял. Моя Ритка тоже беременная ходила – глаз не отвести до последнего. Не портило ее, красоты и капли не сжирало, хоть старушки и болтали – мол, когда женщина девочку вынашивает, та ее красоту себе отбирает. У нас так не было. У нас...

Тряхнул головой, изгоняя прошлое, и снова уставился на беременную красавицу. И вот она-то рыдает в голос, и прямо трясет всю, бедолагу... Может, это она вдова тогда? Это что же,

Петрович у нас вторым ребенком обзавестись мог, да не успел? Что же ты, судьба, сука-то такая к нам?

Командир меня тогда, пять лет назад на свадьбу приглашал, само собой, как и всех наших мужиков, но я сослался на занятость. Ага, бухал чутка после санатория, никак не отлучиться было. Не готов был в люди выходить и на роже своей изуродованной ловить взгляды. Ведь и сейчас пялятся, а тогда тем более. Кто с сочувствием, кто с отвращением.

А потом мы пересекались в ресторанах на посиделках разве что, так что в лицо супругу я его ни разу и не видел, а он сам не имел привычки некоторых мужиков чуть что фотками своих из бумажника тыкать при встрече. Он в этом смысле своеобразный мужик был. Семья – она там, дома осталась, а мужик за его пределами орел и свободный молодец. Подкалывали меня, бывало, за неприятие этого... Не вспоминать!

Глаза мои будто гравитацией какой опять к первой женщине притянулись, а она на меня все это время смотрела, и не думая оторваться. Бледные ее, обветренные будто, губы шевелились.

«Помоги», – прочитал я по ним так четко, словно она мне в ухо шепнула.

Чего? Моргнул, недоумевая, и, нахмурившись, уставился уже вопросительно. Как раз штабной речь закончил и грянул оркестр. А странная незнакомка осторожным, бесконечно заботливым движением прикрыла ухо льющей к ней малышке и повторила, не разрывая нашего визуального контакта:

«Помоги нам, пожалуйста».

И вот тут я окинул быстрым, уже совсем иным взглядом всю картину. Девочку, что отчаянно жмет к ней, тогда как беременную не она сама держит за руку, а та за нее уцепилась. И то, что, содрогаясь в рыданиях и то и дело вытирая глаза, незнакомка номер два украдкой кидает очень острые, совсем не рассредоточенные горем взгляды в нашу сторону, будто оценивая степень опасности. И то, что за спинами женщин стоит человек семь мордоворотов в костюмах, мало того, что создавая из себя некий живой заслон между ними и остальными скорбящими, так еще и большинство сосредоточили свое основное нависание именно над попросившей о помощи и девочкой. Так, как если бы не только охраняют от всего извне, но и готовы пресечь попытку к бегству.

Что, на хрен, тут происходит-то?

Глава 3

Я его узнала. Мгновенно. Как только он появился, мелькнув за спинами бывших сослуживцев Якова. Даже не всматриваясь, не гадая ни секунды – он ли или кто-то очень похожий. Невзирая на толпу других мужчин, так же одетых в парадную форму, схожего роста и сложения. Я их будто сразу и видеть перестала. Он стал старше, виски чуть-чуть тронула седина, вокруг выпивших когда-то мою душу глаз лучи морщинок, отрастил бороду, совершенно скрывшую шрам на шее, рубец на лице не бросался в глаза, как прежде, но все равно импульс узнавания ударил меня прямым в разум и сердце, да с такой силой, что почудилось, сейчас просто упаду на спину, как от жесткого толчка в грудь. На мгновение исчезло все: кладбище, люди, пришедшие на похороны, опасность, которая нависла над нами с Нюской. И эти пять лет, что прошли с той самой ночи. Больно стало так же, как тем проклинаемым мною все это время утром. Тем утром, когда я, по сути, погибла, оставшись надолго обманчиво живой для окружающих. Опустошенная изнутри и окруженная лишенной его тепла пустотой.

Как же так? Я ведь верила: все забылось, зажило, стинуло безвозвратно. Но вот он появился, и мне опять нечем дышать, в ушах грохочет зашкаливший пульс, и снова хочется закричать, выпуская хоть часть боли наружу. Боли, что внезапно оживила. Ведь если ты и правда умер, то болеть уже нечему.

Однако к тому моменту, когда Илья встал практически напротив, мне удалось справиться с первоначальным болевым шоком, и реальность вернулась. Мне сейчас совсем не до глупых любовных переживаний прошлого, тем более, что реально любовными они никогда и не были. Наваждение. А мне нужно спасать как-то себя и дочь.

Я буквально выдавила прочь вспыхнувшие в памяти неуместные и сейчас, и всегда картинки той близости, которой между нами никогда не должно было случиться, и принялась перебирать в голове все, что слышала от Якова об Илье. Он честный, сильный, верный до маниакальности прямо и очень справедливый. А еще он не общался ни с кем из нового окружения моего мужа, в отличие от других, пришедших на похороны бывших военных, а значит, не может быть с ними заодно. И обязан Якову жизнью. Но ведь ему, а не мне, и захочет ли помочь? С другой стороны, я же о многом не попрошу, нам бы с Нюской только вырваться и сбежать куда глаза глядят. Провалилось оно, наследство это, пусть все себе эта змея забирает.

Меня передернуло, стоило вспомнить, как я ее вчера на коленях просила нас отпустить, после того как нас с дочкой поймали у ограды и притащили назад в дом. Умоляла просто отпустить, позволить исчезнуть. Клялась, что хоть прямо сейчас подпишу все бумаги на имущество и все, что только потребует, пусть только отпустит. А гадина смотрела сквозь меня, холодно улыбаясь и поглаживая свой живот, и молчала.

– Инна Кирилловна, вам лучше уложить девочку спать и лечь самой, – процедила она наконец, когда я выдохлась. – Завтра очень тяжелый день, будет очень много людей, знавших ВАШЕГО мужа очень хорошо, и все должно пройти идеально. Пройти. Идеально. И тогда уже сможем говорить о будущем. Мы понимаем друг друга?

И тогда я поняла. Никуда она меня не отпустит. Ни завтра, ни потом.

Мерзавка, а ведь она мне даже понравилась, когда только появилась в нашей с Яковым жизни. Такая вся собранная, терпеливая, ничего не забывающая, заботливая, просто нахвалиться муж не мог. Таня то, Татьяна это, Таня умница такая, у нее не забалуешь. В документах мигом порядок навела, за тем, чтобы Яков питался правильно следила по моей просьбе, даже периодические запои его помогала мне останавливать и прикрывала перед партнерами и заказчиками. И, конечно, я знала, что муж с ней спал. Но у нас с ним изначально отношения

были не те, чтобы сцены устраивать, и он не скрывал своей жизненной позиции, что жена – это дом, уют, забота, ребенок, этим и жить мне должно, затем я нужна, чтобы он себя центром Вселенной дома чувствовал. За то и баловал, обеспечивал, ни в каких просьбах не отказывал. А что у него с кем за пределами дома происходит – не мое дело. Да и не хотела я Якова никогда, а он, несмотря на возраст, аппетиты в сексе имел немалые и это при твердом убеждении, что женский оргазм – вещь мифическая и совершенно бесполезная, так что скорее уж рада была, когда он в загулы уходил. В общем, о лучшей помощнице и он мечтать не мог, и меня все устраивало. Кто же мог знать тогда, что это просто камуфляж, построение засады, из которой эта змея нападет.

– Самое время нам отправляться в ресторан, Инна Кирилловна, – обманчиво заботливо сказала гадина, как только сама процедура погребения закончилась, и отзвучали речи, музыка и залпы. – Девочка уже очень устала.

На самом деле причина была совсем в другом. Бывшие сослуживцы Якова, в числе которых был и Илья, пошли в нашу сторону, само собой, собираясь выразить положенные соболезнования, но мордовороты, нанятые Татьяной, мигом отсекали нас с Нюской от них и повели к машинам, в то время как Татьяна встретила мужчин, принимая их слова, как если бы именно ей они изначально и предназначались.

– Да-да, мы вам так признательны за теплые слова о нашем Якове Петровиче! – звенел мне в спину ее голос с надрывом и всхлипами. – Нет, Инне Кирилловне слишком тяжело сейчас. Она не может пока ни с кем общаться. Такое горе, вы же понимаете, еще и ребенок очень устал и напуган. Она просила вас извинить ее и следовать с нами на поминки в любимый ресторан Якова Петровича, где он любил вас всех собирать. Возможно, там она уже сможет с вами поговорить.

– Была бы охота разговаривать, – донесся до меня негромкий, но отчетливый голос Никиты Громова.

Он редко, по большим праздникам, но бывал у нас в доме. И на свадьбе нашей с Яковом тоже был. И по санаторию я его помню. Весельчак и хохмач, он там относился ко мне хорошо и даже пытался приударить. Но уже на свадьбе отчего-то смотрел на меня волком и даже устроил какую-то сцену во время застолья, сути которой я тогда не уловила, потому что его очень быстро уgomонили и вывели остальные гости – бывшие сослуживцы. Позже он вел себя вполне достойно, но все равно косился как-то недобро. А на похоронах я снова пару раз наткнулась на его горящий скрытым гневом взгляд, но сразу же перестала замечать с появлением Ильи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.